

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата философских наук Дзикевич Дарьи Сергеевны
на тему: «Конструктивный постмодернизм
в современной китайской философии»
по специальности 09.00.03 – «история философии»

Избранную диссертантом тему следует признать важной и актуальной. На фоне неуклонного развития российско-китайского сотрудничества и общего роста интереса к Китаю отсутствие серьезных исследований по новым тенденциям в современной китайской философии становится все более заметным.

Подход автора диссертации основан на понимании необходимости изучать современную китайскую философию на базе исследования публикаций китайских философов, а также интегрировать полученные выводы в контекст развития мировой философской мысли. Ценные содержательные результаты были получены диссертантом в ходе сопоставления китайского постмодернизма с европейскими и американскими версиями постмодернизма. Следует признать правоту автора, отметившего, что подобные параллели составляют «единственно возможную базу сравнительного анализа, который может прояснить, что представляет собой явление постмодернизма в целом» (С. 13).

В работе выявлена существенная роль современного американского философа и теолога Джона Кобба в становлении китайского прочтения постмодернизма. Соискатель проводит сопоставления не только по линии Китай – Запад. Достоинством работы является попытка проследить истоки современных философских течений в истории китайской мысли первой половины XX века. Это правильный выбор направления поиска. Уже в 1910-е годы китайские интеллектуалы усомнились в достоинствах западной «материалистической» цивилизации и обратились к поиску позитивных

сторон традиционной культуры. Тема модерна и модернизации занимала доминирующее место в китайских общественных дискуссиях 1920-30-х годов. Без глубокого понимания этой исторической взаимосвязи уяснить современную китайскую трактовку постмодерна будет сложно.

При обсуждении этой проблематики автор уделяет большое внимание «первому Просвещению», которое заявило о себе в начале XX в. под лозунгами «науки и демократии». Трактовка «первого Просвещения» как источника последующих трудностей в процессе модернизации стала модной среди китайских исследователей. Эти вопросы, включая взаимосвязь «первого Просвещения» и современного «второго Просвещения», изложены в работе адекватно и грамотно.

Столь же профессионально в диссертации охарактеризованы особенности китайской трактовки «конструктивного постмодернизма», продемонстрированы причины популярности этого течения и явного недоверия к «деконструктивному постмодернизму» европейского образца. «Конструктивность» позволяет обойти неудобную тему разрушения идеологических постулатов, она дает возможность заявить о служении интересам развития страны путем выдвижения позитивных содержательных рекомендаций, нацеленных в будущее.

После начала политики реформ китайские идейные дискуссии прошли через два этапа, разделенных между собой событиями мая - июня 1989 года. Десятилетие 1980-х характеризовалось стремлением сблизиться с западной цивилизацией и окончательно отмежеваться от старой социалистической системы. В 1990-е годы на первое место вышли устремления к позитивному переосмыслению китайской национальной специфики, все более скептическим и настороженным становилось отношение к идее всеобщности западной цивилизации. Неоконсервативный поворот произошел с одобрения верхов, однако он был осуществлен усилиями “снизу”. Идея приоритета китайской традиции над всеми иными течениями захватила широкие массы

интеллекции, многие ее представители отказались от либеральных идей во имя превращения Китая в мощную державу.

Рамки для развития постмодернистской трактовки будущего Китая после провозглашения в 2017 году на 19-м съезде КПК «идей Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой» стали более ограниченными, чем это представляется автору диссертации. Заявление о том, что «КПК отказалась практически от всех форм контроля интеллектуальной жизни в Китае, исключения составляют только призывы к непосредственным политическим изменениям, не одобренные партией» (С. 62) ныне можно отнести к сфере истории. Эта модель взаимодействия власти и интеллектуального сообщества осталась в прошлом.

Поиск статей по ключевому слову «конструктивный постмодернизм» в китайских базах научных публикаций указывает на снижение их числа после 2013 года. При продолжении работы над темой автору следует учесть это обстоятельство. В нынешней ситуации «конструктивному постмодернизму» (как и любому иному философскому течению) определенно не будет позволено выступать «в качестве попытки преодоления директивно-административных типов властного идеологического контроля» (С. 80).

Рассуждения автора о том, что китайские власти поддерживают идеи «конструктивного постмодернизма», схожи с выступлениями отдельных китайских ученых. Они пытались уверить себя и читателей, что официозные рассуждения о культурном многообразии и строительстве «экологической цивилизации» являются признаком проникновения постмодерна в умы китайских руководителей. Заметим, это относилось только к предшественникам Си Цзиньпина.

Теперь ситуация изменилась. Уже не власти ищут поддержки у постмодернистов, а постмодернисты стремятся продемонстрировать свое соответствие новой идейной парадигме. В качестве яркого показательного примера можно упомянуть состоявшуюся 29-30 мая 2013 года научную конференцию «Конструктивный постмодернизм и китайская мечта»

(建设性后现代主义与中国梦), организованную Харбинским промышленным университетом (именно там работает неоднократно упомянутый в диссертации Ван Чжихэ) вместе с Китайско-американским Институтом исследования пост-современного развития. Попытка заявить о соответствии «конструктивного постмодернизма» выдвинутому Си Цзиньпином лозунгу «китайской мечты» выглядит как попытка ученых доказать властям свою идеологическую легитимность. Звучавшие на том мероприятии рассуждения о том, что «китайская мечта» - это «мечта модерна» и одновременно «мечта постмодерна» не противоречат нормативной идеологии. Вместе с тем они явно выпадают за ее все более жесткие и четкие рамки.

В диссертации подробно и глубоко рассмотрена тема китайской трактовки «конструктивного постмодернизма» как идейного рецепта выхода из тупика экологического кризиса. Достоинством работы стало выявление сходства и различий между «конструктивным постмодернизмом» и «экологическим марксизмом». Стремление автора выявить ключевые темы и течения в массиве китайских публикаций на основе внутрикитайских оценок следует признать обоснованным. Вместе с тем охват персоналий и публикаций мог быть шире. В частности, исследование вполне можно было дополнить изучением идей более широкого круга китайских авторов помимо Ван Чжихэ. К примеру, рассмотреть содержание статьи профессора У Вэйфу (吴伟赋) «Конструктивный постмодернизм в современном Китае» («Танду сюэкань», 2013 № 3) и последующей полемики.

Отдельные тезисы диссертации нуждаются в уточнении. В частности, автор говорит о том, что «конструктивный постмодернизм» должен «помочь Китаю разработать более эффективную систему развития – это цель, которая в настоящее время прописана в конституции КНР» (С. 52). Эта тема повторяется через пару десятков страниц, на этот раз «конструктивному постмодернизму» диссертантом приписана роль «базовой парадигмы, закреплённой, как мы уже писали, не более и не менее, как в Конституции

КНР» (С. 78). Хотелось бы узнать, какие именно формулировки преамбулы или статей основного закона КНР автор считает «конструктивно-постмодернистскими». Если речь идет о декларативном признании важности развития, то в этом случае главным «постмодернистом» современного Китая следует признать Дэн Сяопина – ведь это он в начальный период реформ провозгласил приход длительной эпохи мира и развития.

Также нуждается в уточнении суждение автора о том, что появление в Китае «Движения за новую культуру» и «Движения 4 мая 1919 г.» были «либеральным шагом», который вскоре «был нивелирован образованием Гоминьдана и Коммунистической Партии Китая» (С. 60). Историю Гоминьдана принято отсчитывать от созданного в 1894 году Сунь Ятсеном Союза возрождения Китая. Это произошло более чем за два десятилетия до начала упомянутых «движений». КПК появилась в 1921 году, однако остается неясным, почему она «нивелировала» эти «движения». По сути дела КПК стала наследником духа «культурного иконоборчества» «Движения 4 мая», уничтожения отжившего старого ради расчистки места для постройки «нового Китая».

Вызывает вопрос характеристика «культурной революции» как стратегии «радикальной индустриализации» (С. 60). Автор называет «хунвэйбинов» «революционерами», избегая буквального перевода этого слова – «красногвардейцы». Движению молодежи был присущ левацкий ультрареволюционный дух, но идея «красных защитников» появилась не случайно. Главной задачей хунвэйбинов было все же не проведение индустриализации, а подавление якобы прокравшихся во власть «контрреволюционеров», которым приписывали стремление уничтожить социализм и реставрировать в Китае капитализм.

Автора следует покритиковать за отдельные неудачные формулировки. Заявление о том, что в период правления Мао Цзэдуна труды Уайтхэда в Китае «издавались подпольно» (С. 16) способно сбить несведущего читателя с толку. Речь идет об официальных материалах для внутреннего

распространения, которые в целом соответствуют советскому грифу «для служебного пользования». ИНИОН АН СССР, знакомящий советскую интеллектуальную и политическую элиту с западной мыслью, вряд ли можно назвать «подпольной типографией». На самом деле, как и в СССР, в КНР вели активную работу по «критике буржуазной философии», для этого осуществляли переводы материалов с иностранных языков, а также их издание в четко ограниченных объемах.

Подчеркну, что философские оценки диссертанта являются точными и выверенными, суть изученной проблемы понята правильно. Продолжая успешно начатый путь в науке в сфере истории современной китайской философии, диссертанту нужно обратить более серьезное внимание на углубленное изучение новой и новейшей истории Китая, современной идеологии и политики.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 09.00.03 – «история философии» (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

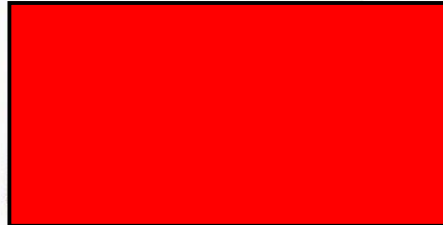
Соискатель Дзикевич Дарья Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидат философских наук по специальности 09.00.03 – «история философии».

Официальный оппонент:

Кандидат философских наук, доктор исторических наук, профессор РАН

Главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук

ЛОМАНОВ Александр Владимирович

7 ноября 2018 года

Контактные данные:

тел.: [redacted] e-mail: [redacted]

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

кандидат философских наук -- 09.00.03 «история философии»

доктор исторических наук -- 07.00.03 «всеобщая история (нового и новейшего периода)».

Адрес места работы:

117997, Москва, Нахимовский проспект дом. 32,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Центр изучения и прогнозирования российско-китайских отношений

Тел.: (499) 1240217; e-mail: a_lomanov@hotmail.com

Личную подпись сотрудница ИДВ РАН
Ломанова А.В.
Доверяю
Инспектор ОК
З.В.
**ОТДЕЛ
КАДРОВ**
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук
МОСКВА